

DOI: <http://dx.doi.org/10.32653/CH14432-43>

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
daniyal2006@rambler.ru

МЕСТО И РОЛЬ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ, ПЕРСИИ И ПОРТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-Х – 50-Е ГГ. XVII ВЕКА

Аннотация. В статье, на основе широкого круга архивных данных и специальной научной литературы, дана научно-обоснованная характеристика политического положения государственных образований Северного Кавказа исследуемого периода. На фоне сложных исторических событий рассматриваемого времени показана роль местных народов во взаимоотношениях России с шахским Ираном и султанской Турцией, а также ее вассалом – Крымским ханством. Кроме того, уделяется большое внимание междоусобной войне, разразившейся в регионе в начале 40-х гг. XVII в., приведшей к изменению в расстановке сил северокавказских правящих элит различной внешнеполитической ориентации.

На протяжении ряда веков Северо-Восточный Кавказ становился объектом экспансии сопредельной великой державы того времени – шахского Ирана. Шахский Иран стремился не только сохранить свое влияние на Кавказе, особенно в бассейне Каспийского моря, но и продвинуть северные границы шахских владений до Терека.

По мнению автора, персидские шахи в достижении поставленных целей, старались любыми методами и средствами привлечь на свою сторону влиятельных местных владетелей и сделать их орудием своей политики на Кавказе. В такой сложной международной политической обстановке северокавказские владетели, в первую очередь шамхалы Тарковские, ловко лавировали в противоречиях Ирана и России, успешно отстаивая при этом свою независимость.

Ключевые слова: Россия; Иран; Турция; Северный Кавказ; Дагестан; власть; политический курс; казаки; крепость; фортификация.

IN THE POLITICS OF RUSSIA, PERSIA AND THE OTTOMAN PORTE IN THE SECOND HALF OF THE '30S – '50S OF THE XVII CENTURY

Daniyal S. Kidirniyazov,
D.Sc. (in History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of RAS, Makhachkala, Russia
daniyal2006@rambler.ru

Abstract. The article, based on a wide range of archival data and special academic literature, provides a science-based description of the political situation of the state formations of the North Caucasus of the period under study. Against the background of the complex historical events of the time in question, the role of local peoples in relations between Russia and Shah Iran and Sultan Turkey (its vassal - the Crimean Khanate) is shown. In addition, much attention is paid to the internecine war that broke out in the region in the early '40s of the XVII century, which led to a change in the balance of power of the North Caucasian ruling elites of different foreign policy orientation.

Over the course of several centuries, the North-Eastern Caucasus became the object of expansion of the adjacent great power of the time, Shah Iran. Shah Iran sought not only to maintain its influence in the Caucasus, especially in the Caspian Sea basin, but also to push the northern borders of the Shah possessions to the Terek.

According to the author, the Persian shahs, in achieving their goals, tried by any means to attract influential local rulers to their side and make them an instrument of their policy in the Caucasus. In such a complex international political situation, the North Caucasian rulers, primarily the Tarkovsky shamkhals, deftly tacked Iran and Russia in contradictions, successfully defending their independence.

Keywords: Russia; Iran; Turkey; the North Caucasus; Daghestan; power; political course; the Cossacks; fortress; fortification.

В истории Северного Кавказа изучение проблемы политического положения местных народов, их взаимоотношений с соседями – в первую очередь, с великими державами (Россией, Ираном и Турцией) не теряет своей актуальности. Исследование темы позволит выяснить отношения местных народов к внешнеполитическим событиям, сыгравшим в их жизни огромную роль, определить значимость которую играли народы региона в политике этих крупнейших государств, противостоявших друг другу в решениях своих задач в рамках восточного вопроса.

Объективная оценка событий, на наш взгляд, необходима для корректировки национальной политики Российской Федерации не только на Северном Кавказе, но и других регионах страны.

Следует отметить, что современные зарубежные авторы (американские, английские, турецкие, иранские и др.) дают нам интересный как документальный, так и исследовательский материал, позволяющий по-новому взглянуть на кавказскую политику соперничавших держав (Ю. Шамильоглу, К. Сидарко, К. Салиа, Х. Гюрсель).

Как известно, в середине 30-х гг. XVII в. под натиском калмыков-ойратов Большие Ногаи перешли в Правобережье р. Волги и, объединившись с Малыми Ногаями, вошли в вассалитет по отношению к Крыму. В 1636 г. объединенные войска под руководством князя С. Волконского, куда входили 200 стрельцов, адыгская конница, окочены (ауховцы-аккинцы) и другие «инородцы» из Терского города, а также терские и гребенские казаки, выступили в поход на казиевских ногайцев. Кроме того, у князя С. Волконского была договоренность с донцами, но последние вовремя не прибыли на условленное место. Поэтому, не дождавшись донских казаков, совместные отряды во главе с Волконским напали на ногайцев, и после ожесточенного сражения ногайцы потерпели поражение и после были разорены. Затем эти объединенные войска ушли дальше в Астрахань [1, с. 67].

Разгром Малых Ногаев встревожил Крым, для крымского хана казиевские ногайцы являлись основным форпостом на территории, находившейся в сфере влияния России. Крымский хан стал готовиться к военной экспедиции на Терский город и Астрахань [2, с. 190].

В начале 30-х гг. XVII в. положение на юге России стало угрожающим. Весной 1633 г. началась «большая война». Крымское войско численностью 30 тыс. человек вторглось в пределы Российского государства, воспользовавшись тем, что крупные военные силы страны были отвлечены на войну с Польшей. Крымцы разграбили многие поместья на юге России. Узнав об этом, дворянское ополчение начало покидать кампанию под Смоленска [3, с. 169; 4, с. 192].

В 30-е гг. XVII в. северокавказским народам пришлось противостоять и завоевательной политике иранского шаха Сефи I (1629–1642 гг.). Иранский правитель приказал построить крепость на р. Сунже, «на Елецком городище» и на Татартупе, в верховьях Терека. По плану шаха Сефи I в возведении Сунженского укрепления должны были участвовать крымский царевич Шагин-Гирей, тарковский шамхал Эльдар, кайтагский уцмий Рустам-хан, 15 тыс. ногайцев во главе с Али-мурзой из Малого Ногай и др. [5, с. 394].

Для того, чтобы подавить сопротивление народов региона реализации планов персов, шахское правительство намеревалось послать в район строительства 10 тыс. своих войск. Кроме того, шах Сефи I обещал выделить крымскому царевичу Шагин-Гирею 40-тыс. войско. Также персидский правитель обратился к астраханскому и терскому воеводам выделить в поддержку крымскому царевичу до 1 тыс. казаков и 300 стрельцов. Естественно, Сефи I получил отказ от русских властей, которые опасались, что «поставя города, идти им (персам – Д.К.) со своею ратью под Астрахань и Терский город войною» [6, с. 313].

Владетели Северного Кавказа понимали негативные последствия осуществления планов иранского шаха, в связи с чем даже лояльно относившиеся к Сефи I местные правители не

поддержали планов персов по возведению своих военных укреплений в стратегически важных пунктах региона¹. На просьбу крымского царевича о 200 топорах и подводах с лошадьми и людьми для возведения укрепления на Сунже кайтагский уцмий Рустам-хан ответил отказом [7, с. 94; 19, Т. 1, с. 145.]. Кроме того, Рустам-хан сообщил терским воеводам о планах Шагин-Гирея². Султан-Махмуд Эндиреевский и его сын Айдемир также были против строительства шахских крепостей на Сунже. Айдемир заверял воевод Терского города, что он всегда готов с крымским царевичем «битися до смерти»³. Свое отрицательное отношение к возведению персидского военного укрепления выразил и аварский нуцал [7, с. 90.]. Таким образом, в результате решительных действий северокавказских правителей планы иранского правительства по возведению военных крепостей на Сунже завершились безрезультатно. Крымский царевич вынужден был вернуться в Крым, опасаясь угроз Сефи I [5, с. 395.].

Необходимо подчеркнуть, что безуспешными оказались попытки иранского шаха привлечь на свою сторону ополчения дагестанских владетелей: Эльдара Тарковского, Тючелава Казикумухского и Магомедхана Цахурского для подавления антишахских восстаний в Грузии в 1632, 1636 и 1642 гг. [7, с. 100.].

После заключения иранско-османского мирного договора 1639 г., персидский шах вновь обратился к делам на Северном Кавказе. На этот раз шах Сефи I решил возвести в Дагестане 5 крепостей, после чего в регион должно было прийти 30-ти тыс. войско для помощи шамхалу Сурхаю⁴. Дагестанские владетели встретили эти планы персидского шаха очень отрицательно. В знак протеста некоторые местные правители присягнули на подданство России [5, с. 396; 9, с. 156.]. Даже сторонник шаха Рустам-хан Кайтагский отвернулся от него и стал поддерживать османского султана [8, с. 99.]. В 1642 г. иранскому послу Аджибеку было объявлено, что «черкасы и кумыцкие люди вечные холопы царского величества»⁵.

Таким образом, провалились планы персидского правителя Сефи I по созданию военных укреплений на Северном Кавказе. Кроме того, позиции шаха Сефи I в Дагестане сильно ослабли по сравнению с Аббасом I. В итоге шаху Сефи I не удалось получить никаких территориальных приобретений в регионе.

К концу 30х – началу 40х гг. XVII в. закончился определенный этап в политической истории народов Северного Кавказа, связанный с персидско-османскими войнами. По мирному трактату 1639 г., подписанному между шахским Ираном и султанской Турцией, Кавказ был разделен на сферы влияния восточных держав: Азербайджан и Ереван закреплялись за Персией, Армения и Грузия были поделены на две части. Кроме того, Иран упрочил свои позиции в восточном Прикаспии, заняв Баку, Дербент, откуда планировалось распространять свою власть и на народы Северного Кавказа. Султанская Турция со стороны Черного моря добивалась того же.

Положение в Кабарде было крайне сложным: в междоусобной борьбе погибли Куденетовичи, владетели Малой Кабарды – Мудар, Карашай и др. После битвы на р. Малке 12 июля 1641 г. князя Казиевой Кабарды ушли в Закубанье и поселились в верховьях Лабы: «Покочевали де Алегук и Хатокшуко мурзы Казиевы с своими людьми с старых своих мест в сход к Малым Ногаям за Кубань реку под Абазы», – отмечается в архивном документе⁶.

Крымское ханство, раздираемое внутренней смутой, сопровождаемой бегством многочисленных ногайцев, вступило в 40-е гг. XVII в. ослабленным. Положение усугублялось экономическим кризисом (засуха, недостаток кормов для скота и т.д.), продолжавшимся 6 лет (1641–1646 гг.). Кроме того, приходилось тратить огромные людские и материальные ресурсы Азова [10, с. 194.]. Все это препятствовало ведению крымским ханом последовательной политики на Северном Кавказе.

Османь с 1637 по 1642 гг. были заняты проблемой Азова. В 1638 г. терские воеводы Ромодановский и Бестужев сообщали в Москву о появлении в Кабарде, у ногайцев и кумыков Терско-Сулакского междуречья крымских эмиссаров с фирманом султана и ценными подарками с просьбой о поддержке Порты. Султанские эмиссары говорили о приготовлениях османов и

1 Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. л. 630; 1, с. 8.

2 Там же. л. 707.

3 Там же. л. 694.

4 РГАДА. Ф. 115. Д. 1. 1640 г. Д. 1. 1640 г. л. 37–43; 37, с. 167–170.

5 РГАДА. Ф. 77. Д. 10. 1642 г. Кн. 12. 1649–1650 гг. Л. 141–144.

6 Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 208.

крымцев к войне с Россией и при этом от имени крымского хана призывали готовиться к походу на Азов. Осада Азова 1641 г., в которой принимали участие и северокавказцы, была безуспешной. Донские казаки, захватившие крепость Азов, очень рассчитывали на поддержку российского правительства, однако их надежды не оправдались. Приобретение Азова означало для России прекращение частых набегов крымских татар и ногайцев, усмирение ногайцев, обретение важных стратегических позиций на Кавказе, однако при поддержке донцов война с Портой, означала бы для Москвы всеобщую войну не только с османами и Крымом, но и народами Северного Кавказа [11, с. 96–97].

Весной 1642 г. османский посол Мустафа Чилибей предъявил Москве ультиматум турецкого султана с требованием освобождения крепости Азов. Следует указать, что у российского правительства был запасной вариант, рассчитанный на сохранение политического преимущества России. Земский собор еще в январе 1641 г. постановил не вступаться за Азов. Это решение вошло в силу после ультиматума османской Порты. Летом 1642 г. османы без боя взяли крепость Азов, а к июлю 1643 г. захватили несколько донских городков: Маныч, Яр, Черкасский и др.

На помощь османам против донцов в 1643–1646 гг. пришли азовские и крымские татары, ногайцы и темрюцкие адыги [12, с. 175]. Возможно, поход в 1644 г. калмыцкого тайши Хо-Орлюка на Малые Ногаи был связан с необходимостью оказания помощи донцам [4, с. 29]. В это же время крымский хан организовал несколько крупных походов на юг России [13, с. 100; 14, с. 360]. В 1647 г. Терский город подвергся осаде со стороны калмыков во главе с Даян-Ерке, гарнизон города справился с неприятелем благодаря тому, что ногайские и адыгские владельцы разгромили шедшего на соединение с осаждавшими Терки войсками калмыцкого тайши Хо-Орлюка [4, с. 28]. В бою погибло очень много калмыков, в том числе Хо-Орлюк и его два сына, в плен попала 1 тыс. человек [15, с. 291–292].

После поражения и гибели калмыцкого тайши Хо-Орлюка правителем стал его сын Дайчин. Во второй половине 1647 г. началась активная подготовка калмыков в поход на Крымский полуостров. По пути намечалось вернуть в подданство России улус Урмаметова из Большого Ногая, заключить союз с донцами и двинуться на Крымское ханство. Нужно указать, что донские казаки отказались участвовать в походе, но заключили с калмыками договор о беспрепятственном их пропуске через Дон, а также о совместных действиях при обороне и наступлении против крымцев [4, с. 29–30].

Необходимо отметить, что в середине 40-х гг. XVII в. многие ногайские мурзы Большого Ногая ушли из-под Астрахани к Тереку, в Засулакскую Кумыкию и Тарки [14, с. 361]. Российские власти настойчиво требовали от ногайских мурз возвращения к Астрахани. Между тем ногайские мурзы, поселившиеся по Тереку, вступали в дружественные отношения с кумыками, кабардинцами и другими народами Северного Кавказа⁷.

Осенью 1649 г. на Волгу к калмыкам прибыли донцы с предложением о совместном выступлении против крымцев. Калмыки прибыли на Дон и ждали выступления в совместный поход под Азов и на Крым. Однако, после примирения донских казаков с турками, когда к ним прибыли османские послы, поход был отменен⁸.

Для России после отказа от занятия Азова и ослабления противоречий в русско-османских отношениях наиболее важной проблемой на юге страны оставалась проблема достижения мира с Крымом и укрепление связей с северокавказскими народами. С усилением шахского Ирана на Южном Кавказе и в Дагестане, с уходом Казиевой Кабарды в Закубанье, позиция России на Северном Кавказе нуждалась в решительном и активном подкреплении. Политические меры Москвы по укреплению своего влияния в регионе, носившие в 40-х гг. XVII в. характер дипломатического наступления, внесли немалые сложности в отношения между местными государственными образованиями [16, с. 309].

Междоусобная война, разразившаяся на Северном Кавказе в 1640–1641 гг., привела к изменению в расстановке сил местных правящих кланов различной внешнеполитической ориентации. Адыгские владельцы Алегуко и Хотождуко разгромили в 1640 г. враждовавшие с ними Шолохова и Кельмаметова владения. Тогда Кельмамет-мурза получил в Терках не-

7 РГАДА. Ф. 115. Д. 1. 1640 г. Л. 241–242, 250–255, 266–267, 294–328.

8 Донские дела. Кн. 3. с. 800, 830, 840; Кн. 4. 1913. с. 4, 279.

сколько сот стрельцов и команду окочан, призвал на помощь всех владельцев к востоку от Кабарды и ногайцев [17, Т. 1, с. 203–205; 18, с. 8].

Летом 1641 г. произошла битва на р. Малка между вооруженными отрядами Казиевой Кабарды и адыгских князей пророссийской ориентации во главе с Кельмамметом (Келемет) Черкасским. Причиной столкновения был разорительный набег князей Казиевой Кабарды «на Шолохову и на Кельмамметову Кабарду», которую они «поевали и побили. Да... с Малыми Ногаями подсылкою убили Кельмамметова дядю родново Мулдар-мурзу Алкасова (князь Малой Кабарды – Д.К.)»⁹.

Необходимо указать, что в сражении на р. Малке на стороне адыгских князей Черкасских выступали казаки, отряд стрельцов из Терков, ногайцы во главе с Солтан-мурзой из Большого Ногая, тарковский шамхал Айдемир, а также воинские люди Шолоховой Кабарды под командованием И. Ибакова «пошли по своей вере мстить кровью Мулдарову Малым Ногаем, а государевых ратных людей взяли собою»¹⁰. Эта битва закончилась полным разгромом совместных войск во главе с Кельмамметом Черкасским. В этой победе немалую роль сыграли вооруженные отряды из Малого Ногая¹¹.

Адыгские владетели Алегуко и Хотождуко выиграла одно сражение, но не выиграла войну. Вместе со своими владениями и сторонниками они были вынуждены уйти в Закубанье, где «крымское влияние оказалось сильнее» [19, с. 128].

Немалое значение в политической жизни 40-х гг. XVII в. в регионе занимал вопрос возвращения Казиевой Кабарды, ушедшей в 1641 г. в Закубанье. В 1642 г. российское правительство поручило адыгскому князю Муцалу Черкасскому привести к шерти Казиеву Кабарду и Малые Ногаи. Эту миссию М. Черкасский выполнил успешно, используя свое влияние на адыгских владетелей Хотохшоко Казиева и Алегуко Шогенукова, которые были в союзе с Малыми Ногаями и имели определенное влияние на ногайских мурз¹².

Следует отметить, что усилия Москвы увенчались успехом. В мае 1643 г. в Терский город прибыл адыгский князь Алегуко Шогенуков вместе с ногайскими владетелями Асланбеком и Ураком Каспулатовыми и другими мурзами из Касаевой половины. В результате переговоров адыгского владетеля с терским воеводой были урегулированы все спорные вопросы между Казиевой Кабардой и Малыми Ногаями¹³. Российские власти предложили адыгским владетелям Алегуко Хотохшоко вернуться в Большую Кабарду, на прежнее место жительства, а «Малых Ногаев мурзы с улусы своими перейдут кочевать ближе» к Теркам¹⁴. Это переселение совершилось к августу 1644 г. [17, Т. 1, с. 250].

Таким образом, переход Казиевой Кабарды на старые кочевья означал выход из-под влияния крымских ханов не только адыгских владетелей, но и многих мурз Малого Ногая [17, Т. 1, с. 245].

В 30–40-х гг. XVII в. в регионе появились калмыки. В отражении набегов калмыков участвовали многие местные народы. Так, в начале 1644 г. отряды калмыков-ойратов перешли Волгу и продвинулись на юго-запад. Часть ойратского войска подошла к Терской крепости, а основные их силы перешли р. Терек и вступили на территорию Кабарды. Совместно против них выступили ногайцы адыги и русские регулярные войска, находившиеся в Терках¹⁵. Объединенные силы северокавказцев и русских разбили ойратское войско.

Появление калмыков-ойратов, представляющих грозную силу и опасность для охваченного феодальными распрями Северного Кавказа, оставило немалый след в сознании местного населения. Например, в 1645 г. оказалось достаточным одного слуха об ожидаемом новом походе калмыков из-за Волги, как многочисленные мурзы Большого Ногая, жившие под Астраханью, вынуждены были уйти частью к Азову, частью в Кумыкскую плоскость за Аксай и Койсу, под Тарки. Здесь ногайцы вступили в тесные связи с кумыкскими и адыгскими князья-

---

9 РГАДА. Ф. 115. Д. 1. Кн. 1. 1642 г. л. 94.

10 Там же.

11 РГАДА. Ф. 115. Д. 1. Кн. 1. 1641 г. л. 82.

12 РГАДА. Ф. 115. Д. 1. Кн. 1. 1643 г. л. 325.

13 Там же. Кн. 1. 1643 г. л. 333.

14 Там же. Кн. 1. 1641 г. л. 334.

15 РГАДА. Ф. 115. Д. 1. Кн. 1. 1644 г. л. 154.

ми, чего так опасалась Москва, с тревогой следившая за ростом политических амбиций местных правителей [14, с. 326].

Москва, вмешиваясь в междоусобную борьбу северокавказских владетельных группировок, использовала ее в своих интересах. В 1645 г. некоторые влиятельные мурзы Малого Ногай принесли шерть новому русскому царю Алексею Михайловичу [17, Т. 1, с. 265–266.]. О верности данной присяги свидетельствует тот факт, что в следующем 1646 г. многие ногайские мурзы и адыгские владетели отказались участвовать в походе крымцев на южнороссийские города [17, Т. 1, с. 178–179].

Необходимо указать, что принятие ногайцами подданства Крымского ханства также усиливало угрозу набегов крымцев на Кабарду. Поэтому Москва стремилась, при посредничестве адыгских князей, склонить ногайцев к принятию подданства России. В 1647 г. российское правительство добивалось, чтобы ногайский мурза Али (Алей) Хорошаев из Малого Ногай «з братьею и с улусы... от крымского царя отстали», и приняли бы российское подданство и были «навек неоступными» [19, с. 32]. Старания российских властей увенчались успехом. Факт принятия подданства России подтверждает воевода Терского города В.А.Оболенский, сообщивший в Посольский приказ, что «Алей Мурза з братьею и з детьми и с племянники и со всеми своими улусными людьми учинили у тебя, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, в прямом неотступном холопстве навеки...» и прислали в Терки заложником сына ногайского мурзы Уруса [19, с. 33].

Следует отметить, что в середине 1645 г. ряд многочисленных подразделений Большого Ногай в связи с известиями о новом переселении ойратов уходит из-под Астрахани на Терек и поселяется в кумыкских владениях Терско-Сулакского междуречья. Часть ногайцев оседает во владениях эндиреевского князя Казаналипа, а другая селится в Тарковском шамхальстве. Необходимо подчеркнуть, что мощная миграция ногайского населения из-под Астрахани ослабила оборону города. Боевая мощь северокавказских владетелей, граничивших с русскими поселениями на Тереке, резко возросла. Российские воеводы не раз пытались склонить ногайцев вернуться обратно под Астрахань, но безуспешно [14, с. 360–361].

Стремясь компенсировать отток части ногайцев из-под Астрахани за Терек, российская администрация попыталась «уговорить» через посредничество адыгских владетелей, ногайцев Малого Ногай, «чтоб они от крымского царя отстали» и переселились к союзной Москве Кабарде. В 1647 г. небольшая часть ногайцев откликнулась на эти предложения – перешла на жительство в Кабарду и отправило своих представителей в столицу России [20, с. 84–87.].

Приблизительно в этот же период, в 1649–1650 гг. из-под Астрахани переселился в Терско-Сулакское междуречье еще один влиятельный ногайский владетель Чебан-мурза со своими подданными, который, таким образом, стал «царскому величеству непослушен». Чебан-мурза поселился на землях кумыкских биев между реками Койсу и Аксай [20, с. 96.], усилив тем самым значительные силы местных владетелей.

Для возвращения Чебан-мурзы под Астрахань направляется из Терков объединенный военный отряд «с 7 и 8 тысяч конных, пеших окоцких и барагунских и ногайских и русских людей». Эндиреевский владетель Казаналип также примкнул со своим отрядом к русскому войску. Объединенным силам удалось приблизиться к Таркам, однако здесь они потерпели сокрушительное поражение [7, с. 189, 190, 192].

Район слияния Сунжи с Тереком, где скрещивались основные сухопутные торговые пути между Каспийско-Черноморским регионом, и где находились броды и переправы, имел стратегическое значение. Издавна этот объект служил поводом для соперничества между Россией и султанской Турцией. К середине XVII в. в спор за контроль над низовьем вступила и Персия. Российские власти не раз ставили и под давлением шаха разрушали здесь свои остроги (1567–1571, 1578, 1635 гг.), считая этот район подконтрольным Российскому государству. В конце 40-х гг. XVII в. вновь стал вопрос о возобновлении Сунженского острога. В 1646 г. кумыкский князь Казаналип обратился к Москве с просьбой отдать ему во владение Сунженский перевоз и выделить для защиты от тарковского шамхала Сурхая и иранского шаха караул в 40–50 человек русских ратных людей. В своей ответной грамоте российское правительство дало разрешение на некоторые просьбы эндиреевского владетеля, проигнорировав основную [7, с. 175–178; 9, с. 158–159].

Между тем, в Иране шаха Сефи I сменил Аббас II (1642–1667 гг.). Новый правитель продолжил завоевательную политику своего предшественника, грубо вмешиваясь в дела северокавказских владетелей. Этому способствовало также прекращение персидско-османских войн и дальнейшее укрепление международного положения Иранской державы в середине XVII в. [21, с. 76.].

С 1645 г. Аббас II резко изменил свой политический курс и стал на путь вытеснения России из северокавказского региона, а также прямого вмешательства во внутренние дела Дагестана, разжигая и используя междоусобицы среди местных владетелей для усиления своего влияния в крае. Так, в 1645 г. против кайтагского уцмья Рустам-хана выступил его племянник Амирхан-Султан, претендовавший на престол. Аббас II поддержал Амирхан-Султана и направил в Кайтагское уцмейство крупное войско. Рустам-хану удалось разбить шахские отряды, племянник успел скрыться. Вскоре последнему удалось уговорить Аббаса II отправить в Кайтаг новое большое войско персов. В этот раз Амирхан-Султану с помощью персидского войска во главе с Арап-ханом Шемахинским удалось разбить отряды Рустам-хана. Вскоре Амирхан-Султан был провозглашен уцмием [7, с. 169–170; 22, с. 243].

Рустам-хан намеревался уйти в Эндирей, оставить там свою семью и оттуда отправиться в Порту за помощью к султану. Добившись помощи османов и эндиреевского владетеля, Рустам-хан рассчитывал идти против своего соперника, а затем пойти на «шаховы на украинные города, на Дербень и на Шемаху» [7, с. 169.]. Однако в последний момент его не поддержал эндиреевский владетель Казаналип, получивший указание терских воевод не провожать Рустам-хана в Стамбул и не принимать на своей территории его воинские отряды. Терские власти опасались, что Рустам-хан, получив помощь от османов, пойдет не только против своего соперника, но и против русских [7, с. 170].

Рустам-хану пришлось отстаивать свою власть над Верхним Кайтагом. Он вынужден был отступить из Кубачи в Калакорейш. Затем под натиском воинских сил Амирхан-Султана и персидских войск он ушел в Уркарах. Но и там он был потеснен к крепости Ицари совместными отрядами персов и Амирхан-Султана. Осаждавшие, находясь во враждебном окружении, также испытывали немалые трудности, не смогли сломить сопротивление защитников крепости и вынуждены были отступить в Нижний Кайтаг.

Итак, уцмейство было разделено на две части. Аббасу II удалось установить власть своего сторонника Амирхан-Султана, который был верен ему и заявлял, что он всегда поступит «как шах укажет ему» [7, с. 169].

Следует отметить, что Рустам-хану оказывал поддержку эндиреевский владетель Казаналип. В 1645 г. иранский шах приказал наместнику Шемахи Арап-хану поддержать Амирхан-Султана, тот вскоре со своим войском прибыл к нему на помощь «ондиреевцев побить» [7, с. 175]. Узнав об этом и, понимая сложность создавшегося положения эндиреевский правитель, попросил разрешения у терских воевод переселиться со своим владением поближе Терков, «возле Борагун по речке Акташу» [7, с. 178–179].

Между тем угрозу своей независимости от действий Аббаса II понимали и другие дагестанские правители. Поэтому они решили заручиться поддержкой российского правительства в момент выступления на них персидских войск. В конце 1645 г. на подданство России присягнули аварский хан, тарковский шамхал Сурхай, владетели Кафир-Кумуха и Буйнака [17, Т. 1. с. 261–269]. Узнав об этом, иранский шах поспешил вывести свои войска из Кайтагского уцмейства. Однако тарковский шамхал оставался под властью шаха, и Аббас II требовал от Сурхая признания только его власти, а не от царя и шаха одновременно¹⁶.

Следует отметить, что персидские власти использовали в своих интересах и мирные методы, одаривая местных владетелей денежными жалованьями, подарками, земельными наделами и др. Так, тарковскому шамхалу Сурхаю Аббас II дал годовое жалованье [17, Т. 2, с. 218; 7, с. 175–178]. Что касается султана Халил-бека, то Аббас II пожаловал ему Цахурское владение в тиуль¹⁷ с правом взыскания налогов в свою пользу [23, Т. 2, с. 1087.]. Разумеется, все эти меры иранских властей способствовали усилению влияния Аббаса II на правителей Дагестана.

16 РГАДА. Ф. 77. Д. 10. 1642 г. Кн. 12. 1649-1650 гг. л. 202–203.

17 Тиульные земли – земли, пожалованные правителем или государством за верную службу в пользование при жизни

Для утверждения своего господства в регионе и вытеснения России отсюда шах в 1652 г. организовал поход иранских войск под Сунженский острог. Шахским войском командовал шемахинский наместник Хосров-хан. В походе персидских войск также участвовали 500 чел. из Шемахи, 500 чел. из Дербента с 2 пушками, отряды уцмия Амирхан-Султана, воинские люди ногайских владетелей Чебан-мурзы, Шатемир-мурзы и шамхала Сурхая [7, с. 190–191; 5, с. 120–123; 12, с. 113.]. Эндиреевский правитель также вынужден был примкнуть к персидским войскам, так как Казаналип не мог противостоять персам в одиночку [24, с. 90–91].

По завершении безрезультатного похода иранских войск дагестанские владетели объясняли российским властям вынужденность их участия в военной экспедиции и то, что они ничего плохого русским не сделали, «ни единому человеку и носа не окровили» [24, с. 191].

Такие настроения местных владетелей не дали положительных результатов для персов, не привели к упрочению влияния Аббаса II в Притеречье, а лишь обострили политическую ситуацию, встревожили Москву, начавшую предпринимать меры по усилению своей позиции в регионе [11, с. 120–125]. Шах Ирана, не довольствуясь таким положением, решил укрепиться на Северо-Восточном Кавказе, в частности в Дагестане, построив здесь ряд крепостей. Однако ни шамхал Сурхай, ни эндиреевский правитель Казаналип, не поддержали планов шаха¹⁸.

Следует отметить, что кумыкский князь Казаналип, зарекомендовав себя верным сторонником Москвы и противником иранского шаха, в то же время с раздражением следил за возвышением адыгского владетеля Муцала Черкасского. В 1650 г. Муцал Черкасский вывел брагунских владетелей Куденетовых из-под сюзеренитета Казаналипа, переселив их со всем владением на Сунжу, близ впадения ее в Терек. Это послужило одной из причин, приведших эндиреевского владетеля в стан врагов Российского государства¹⁹.

В документе от 12 июня 1650 г. указывается о намерении Москвы восстановить Сунженский острог²⁰. Следует отметить, что решение о строительстве острога на р. Сунже было выработано в посольском приказе в январе 1651 г. [17, Т. 1, с. 419. Прим. 368].

До начала возведения Сунженского острога войска терского гарнизона, отряд кабардинского князя Муцала Черкасского и терские казаки вновь совместно выступили в поход на правый берег р. Терек с целью заставить ногайского мурзу Чебана со своим владением возвратиться в подданство России. Мурза Чебан потерпел поражение от объединенного войска²¹.

Следует отметить, что Москва желала сохранить мирные отношения с османами, но в то же время не исключала возможность выступления против вассала Порты – Крымского ханства. С начала 40-х гг. XVII в. начинается особенно энергичный нажим Стамбула и Бахчисарая на Северный Кавказ и на юг России. Так, осенью 1645 г. крымцы осадили столицу войска Донского – Черкасск. На помощь донским казакам прибыли 3 тыс. «охочих людей» из различных городов России, а также 1200 терских казаков и кабардинцев, во главе с князем Муцалом Черкасским [17, Т. 1, с. 270, 273.]. Как только крымскому войску стало известно о приближении русских отрядов, они незамедлительно сняли осаду города и ушли от Черкаска. Узнав, что крымское войско отступило, С. Пожарский во главе русских отрядов двинулся за ними, так как имел приказ в случае успеха идти к Перекопу, но ни в коем случае не трогать Азов, чтобы не вызвать этим осложнений с Портой. Донцы же, зная, что в Азове находится 40 тыс. русских пленников, решили напасть на крепость. К донским казакам присоединились терские казаки и кабардинский отряд во главе с Муцалом Черкасским.

Однако штурм Азова окончился безуспешно, и казаки отошли от города и направились к р. Ее, где жили ногайцы. Неожиданно напав на них, казаки и кабардинцы разгромили большой улус ногайского мурзы Шатемира. Было взято в плен 7 тыс. человек и 8 тыс. голов скота и вскоре донцы возвратились в Черкасск [25, с. 81; 10, с. 207.].

Возможно, что на разгром владений ногайского мурзы адыгский князь Муцал Черкасский пошел из-за стремления отомстить за убийство родного дяди своей жены К. Пшеапшокова.

Еще в ноябре 1615 г. кабардинский князь Шолох и его сын Карашай-мурза собравшись с

18 РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Кн. 6/№. 1651 г.; Кн. 1. 1652 г.; Д. 1. 1659 г. Л. 38–40.

19 Там же. Кн. 1. 1652 г. л. 2, 6–7.

20 Там же. Кн. 1. 1652 г. л. 116.

21 Там же. Кн. 1. 1652 г., л. 12, 26–27.

кумыкскими владетелями и ногайскими мурзами с их подвластными людьми, на Казия-мурзу Пшеапшокова «войною приходили и ево, Казыя убили и братью ево и узденей многих людей побили, и кабаки (селения – Д.К.) их выжгли» [17, Т. 1, с. 406]. Следует отметить, что разгром владений ногайского мурзы Шатемира вызвал тревогу в Крыму и калга Нурадин-Гирей, находившийся на Кубани, форсированным маршем немедленно пришел к Азову. Военные действия развернулись близ Азова [14, с. 380]. Крымский калга Нурадин-Гирей со своей конницей, численностью до 7 тыс. всадников, соединившись с турецкой армией (200 тыс. человек) во главе с Мустафой-беем, напал на кабардинский отряд Муцала Сунчалеевича и русские войска. Вскоре к русским подоспела помощь со стороны донских казаков и стрельцов князя воеводы Семена Пожарского. В результате ожесточенной битвы, который длился целый день, где был ранен Пожарский, удалось отбить натиск крымцев и османов, а затем, перейдя в наступление, заставить противника отступить к р. Кагальник. Столица донского казачества – Черкасск был освобожден [1, Т. 1, с. 72–73].

Затем объединенный отряд русских и кабардинцев, преследовал войска крымского калги Нурадин-Гирея. В начале августа 1646 г. они напали неожиданно на военный лагерь крымцев под Черкасском, застав последних врасплох, и разгромили их. Сам Нурадин-Гирей еле успел уйти [16, с. 82].

Узнав об этом, азовские турки и ногайцы начали преследовать русские отряды, но не успели нанести им особого вреда [2, с. 202].

Необходимо отметить, что с начала второй половины 40-х гг. XVII в. Северный Кавказ оказался в сфере пристального интереса не только России, Порты, Крымского ханства, Персии, но и Речи Посполитой. В связи с планами военной акции король Владислав IV намеревался создать широкую антиосманскую лигу с привлечением Венеции, Трансильвании, Дунайских княжеств, запорожских казаков и др. С целью поиска союзников для использования в войне с султанской Турцией среди народов Северо-Западного Кавказа в 1646 г. под видом купца в регион был отправлен польский военный инженер Себастьян Адерс. Однако польская дипломатия не достигла здесь определенных успехов [26, с. 250–251, 257].

Между тем, согласно Указу царя от 31 марта 1651 г. о строительстве Сунженского острога к середине июня того же года, он был сооружен непосредственно на мысу при впадении Сунжи в Терек [17, Т. 1, с. 302–303]. Сооружение этого укрепления давало возможность контролировать значительную часть торговых операций между различными регионами Северного Кавказа, так как мимо Сунженского острога проходили многочисленные торговые караваны, и ожидалось, что будут собираться большие налоги («перевозная пошлина»). Закрепляя стратегически важный район слияния Сунжи с Терекком за собой, Москва тем самым пресекла торговлю местных купцов с османскими и крымскими торговыми центрами на Черном и Азовском морях, в частности с Азовом. В XVII в. крепость Азов играл важную роль в экономической жизни региона [27, с. 120].

Возобновление Сунженского перевоза было встречено с удовлетворением местными народами, так как «ездить им по той дороге будет неопасно» [17, Т. 1, с. 161, 170.].

Однако строительство нового укрепления на Сунже не понравилось шаху Ирана. Персия увидела в этом первый шаг к прочному утверждению России на Северном Кавказе. Сначала наместник шаха в Шемахе Хосров-хан известил астраханских воевод о том, что «гребенские казаки поставили городок без указа в шаховом владении на Сунже-реке... и черкасскую дорогу закрепили» [25, с. 84]. На это астраханские власти ответили, что «не только та земля, где Терек и Сунженский город, но и та земля, где Тарки, издавна принадлежит царям Российским, и города им здесь всегда ставить было вольно» [25, с. 84].

В 1651 г. тарковский шамхал Сурхай, эндириевский князь Казаналип с воинскими силами в 800 человек и 2 пушками двинулись к Сунженскому укреплению. По пути они разграбили кабардинские селения [25, с. 84–85]. К Сунженскому острогу из Терского города срочно отправился на помощь жителям адыгский князь Муцал Черкасский со своими людьми и терскими казаками. Кроме того, на помощь к ним терским воеводой был послан Беслан-мурза Битемрюков с «окочены» и «юртовскими татараы» (астраханские ногайцы – Д.К.)²².

---

22 РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Кн. 6/№. 1651 г.; л. 121–122.

В ноябре 1651 г. адыгский князь Касбулат Муцалович Черкасский вместе со своим братом Кантемиром в составе военного отряда из кабардинцев, ногайцев, вайнахов (чеченцев и ингушей), терских казаков под командованием Муцала Черкасского держали более недели оборону Сунженского укрепления, отбив нападение персидских и шамхальских войск. Нападавшим не удалось взять острог штурмом, затем противник был вынужден отступить «за Суншу-реку без боя»²³. Иранские и шамхальские войска так и не отстали от Сунженского перевоза, пока не снесли его, что видно из документа от 7 мая 1653 г., сообщавшего об осаде «кизылбашскими и кумыкскими ратными людьми» укрепления и о сдаче его [17, Т. 1, с. 340].

Российско-персидский конфликт на Тереке и Сунже мог легко перерасти в войну. Однако это не произошло по ряду причин: ни шахский Иран, ни Россия не испытывали желания повести дело к серьезному противостоянию. Персия была занята внешней политикой в Афганистане и Индии, а Россия, в связи с Украиной – в Польше и Крыму [17, Т. 1, с. 340]. Весной – летом 1652 г. в регионе находился крымский царевич с целью сбора ясака (дани) с ногайских, кабардинских и черкесских владетелей. Возможно, это дало толчок к появлению слухов о намерении Крыма совместно с кабардинцами выступить в поход на Терки [17, Т. 1, с. 310–311. Прим. 371; 10, с. 213].

Османская Порта при участии крымского хана в середине XVII в. не оставляла надежду на завоевание Северного Кавказа. Правитель Крыма Мухаммед-Гирей даже в период русско-польской войны, участвуя на стороне поляков, не забывал беспокоить опорные пункты России на Северном Кавказе [10, с. 214].

Следует отметить, что действия российской дипломатии несколько сужали силу влияния крымского хана на Северный Кавказ. Так, в 60-х гг. XVII в. Россия добивалась от князей Казиевой (Большой) Кабарды отказа от сношений с Крымом и предлагала переселиться ближе к Теркам. В августе 1662 г. посланцы от владетелей Большой Кабарды и союзных с ними мурз Малого Ногая прибыли в Астрахань, где согласились на условия российского правительства в обмен на защиту от «недругов» [11, с. 319].

Между тем, в ответ на активизацию завоевательной политики шаха в регионе, дагестанские правители начали искать поддержки у российского правительства. Недовольный этим шах в конце 50-х гг. XVII в. сделал попытку вооруженным путем установить свое господство над Дагестаном. Естественно, это вызвало подъем антишахских настроений в крае, в частности у кайтагцев, кумыков и табасаранцев. В 1659–1660 гг. в Дагестане произошло мощное антиперсидское вооруженное выступление [28, с. 685–689]. Основным очагом восстания стал Кайтаг. Возмущенный этим, Аббас II отправил в Дагестан своё войско, численностью 15 тыс. чел. во главе с шемахинским правителем Хаджи-Манучехр-ханом [28, с. 686].

Для того чтобы обезглавить повстанцев иранский шах лишил Улуга (Улуг – сын свергнутого Рустам-хана) и присоединившихся к нему представителей местной знати власти, передав официально управление Кайтагом своему стороннику Хасан-хану. Аббас II также отправил свой указ тарковскому шамхалу, чтобы тот присоединился к Хаджи-Манучехр-хану в подавлении восстания. Между тем шемахинский правитель не дождался помощи и со стороны тарковского шамхала Сурхая. Поэтому Хаджи-Манучехр-хан отправил к шамхалу своего посланника с письмом – требованием о разгроме кайтагского ополчения во главе с Улугом [28, с. 686]. Вскоре на свое послание шемахинский правитель получил ответ от шамхала Сурхая, что приказ Аббаса II для них не указ и что дагестанцев нельзя привести в покорность строительством на их территории военного укрепления.

Вскоре шемахинский правитель с большим войском и артиллерией двинулся из Дербента в Кайтаг. Их ждали на временно построенном укреплении на р. Багам дагестанские отряды, с численностью до 30 тыс. человек [29, с. 192–193]. Завязавшийся бой был очень кровопролитным. Дагестанцев пало значительно больше, им пришлось сражаться с регулярной персидской армией. Дагестанцы продолжали сопротивление персидским войскам, укрывшись на неприступных вершинах гор [5, с. 400].

Правитель Ирана Аббас II, узнав об итогах сражения, стал готовиться к следующему походу. Узнав об этом, тарковский шамхал отправил своего сына Гюль-Мухаммед-бека к Аббасу

23 Там же.

II с раскаянием. Иранский правитель выразил удовлетворение даже таким формальным выражением покорности тарковского шамхала, реально оценивая положение, одарил ценными подарками сына Сурхая, а самому тарковскому шамхалу даровал «управление страной Дагестаном» [28, с. 688–689].

Таким образом был достигнут компромисс между иранским правителем Аббасом II и тарковским шамхалом, шах не решился на активные военные действия, опасаясь осложнений с Россией. Что касается тарковского шамхала, то ему также невыгодно было обострять отношения с Аббасом II, так как дагестанцы итак понесли немалые потери в ходе вооруженного выступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потто В.А. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. – 235 с.
2. Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.Х. Очерки истории ногайцев XV – XVIII вв. Махачкала, 2003. – 248 с.
3. Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974. – 180 с.
4. Максимов К.Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов – на – Дону, 2016. – 576 с.
5. История Дагестана. Т. 1. М., 2004. – 632 с.
6. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией / вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в. М., 1963. – 372 с.
7. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Документы и материалы) Махачкала, 1958. – 336 с.
8. Бакханов А.К. Гюлистан – и Ирам. Баку, 1926. – 196 с.
9. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. М., 2017. – 264 с.
10. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017. – 399 с.
11. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI – XVII вв. Грозный, 1988. – 176 с.
12. Венков А.В. Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637 – 1642 гг. М., 2009. – 261 с.
13. Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930. – 196 с.
14. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; -Л., 1948. – 442 с.
15. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000. – 532 с.
16. Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. – 352 с.
17. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. – 477 с.; Т. 2. – 424 с.
18. Акбиев А.С., Абдусаламов М.-П.Б. Соперничество кумыкских и кабардинских феодальных владете-

REFERENCES

1. Potto V.A. Two centuries of the Terek Cossacks [Dva veka Terskogo kazachestva]. Vladikavkaz, 1912. Vol. 1.
2. Kidirniyazov D.S., Musaurova Z.K. Essays on the history of the Nogais of the XV – XVIII centuries [Ocherki istorii nogaytsev XV – XVIII vv.]. Makhachkala, 2003.
3. Kargalov V.V. At the steppe border [Na stepnoy granitse]. M., 1974.
4. Maksimov K.N. Kalmyks as part of the Don Cossacks (XVII - mid XX century) [Kalmyki v sostave donsogo kazachestva (XVII – seredina XX v.)]. Rostov-on-Don, 2016.
5. History of Daghestan [Istoriya Daghestana]. Vol. 1. M., 2004.
6. Kusheva E.N. The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia / second half of the XVI – 30s of the XVII century [Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiyey / vtoraya polovina XVI – 30-ye gg. XVII v.]. M., 1963.
7. Russian-Daghestan relations of the XVII – first quarter of the XVIII centuries: (documents and materials) [Russko-Daghestanskiye otnosheniya XVII – pervoy chetverti XVIII vv.: (Dokumenty i materialy)]. Makhachkala, 1958.
8. Bakihanov A.K. Golestan-e Eram [Gyulistan – i Iram]. Baku, 1926.
9. Abdusalomov M.-P.B. Kumyk state formations in the strategic plans of Russia in the North Caucasus in the XVII - the first quarter of the XVIII centuries [Kumyksiye gosudarstvennyye obrazovaniya v strategicheskikh planakh Rossii na Severnom Kavkaze v XVII – pervoy chetverti XVIII v.]. M., 2017.
10. Magomaev V.K., Kidirniyazov D.S. Nogais in the North Caucasus historical process in the XVI - early XX century [Nogaytsy v severokavkazskom istoricheskom protsesse v XVI – nachale XX v.]. Grozny, 2017.
11. Akhmadov Y.Z. Essays on the political history of the peoples of the North Caucasus in the XVI-XVII centuries [Ocherki politicheskoy istorii narodov Severnogo Kavkaza v XVI–XVII vv.]. Grozny, 1988.
12. Venkov A.V. Azovskoe sidenie. The heroic defense of Azov in 1637 – 1642 [Azovskoye sideniye. Geroicheskaya oborona Azova v 1637 – 1642 gg.]. M., 2009.
13. Yanchevsky N. The colonial policy on the Don of the commercial capital of the Moscow State in the XVI–XVII centuries [Kolonialnaya politika na Donu torgovogo kapitala Moskovskogo gosudarstva v XVI–XVII vv.]. Rostov-on-Don, 1930.
14. Novoselsky A.A. The struggle of the Muscovite state with the Tatars in the first half of the XVII century [Borba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka.]. M.-L., 1948.
15. Kidirniyazov D.S. Nogais in the XV–XVIII centuries

лей за гегемонию на Северо-Восточном Кавказе во 2-й половине XVI – 1-й половине XVIII века // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. № 5. 2015. С. 5–11.

19. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (документы XVII–XVIII вв.). / Сост. Кидирниязов Д.С. Махачкала, 1998. – 129 с.

20. Крикунова Е.О., Павлова И.М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII в. (документы) // Ученые записки КБ-ГПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 77–112.

21. Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952. – 467 с.

22. Муртазаев А.О. Кайтаг в VIII – первой половине XIX в. (Исследование политической истории и роли в системе политических структур Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2015. – 490 с.

23. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1868. Т. 2. – 1238 с.

24. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965. – 391 с.

25. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. – 232 с.

26. Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI–XVIII вв. М., 1979. С. 249–262.

27. Крестьянская война под предводительством С.Разина. М., 1954. Т. 1. – 323 с.

28. Новосельцев А.П. Мухаммед Тахир Валид Казвини о восстании в Дагестане в 1659–1660 гг. // Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. / Под ред. А.А. Зиминой. М., 1962. С. 685 – 689.

29. Умаханов М-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. – 251 с.

(Problems of political, economic and cultural relations with neighboring countries and peoples) [Nogaytsy v XV–XVIII vv. (Problemy politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh vzaimootnosheniy s sopredel'nymi stranami i narodami)]. Makhachkala, 2000.

16. Malbakhov B., Elmesov A. *Medieval Kabarda [Srednevekovaya Kabarda]*. Nalchik, 1994.

17. *Kabardin-Russian relations in the XVI – XVIII centuries [Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.]*. М., 1957. Vol. 1: 477; V. 2: 424.

18. Akbiev A.S., Abdusalamov M.-P.B. Rivalry between Kumyk and Kabardian feudal lords for hegemony in the North-East Caucasus in the 2nd half of the XVI - 1st half of the XVIII centuries [Sopernichestvo kumykskikh i kabardinskikh feodalnykh vladeteley za gegemoniyu na Severo-Vostochnom Kavkaze vo 2-i polovine XVI – 1-i polovine XVIII veka *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University [Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federalnogo universiteta]*. № 5. 2015: 5–11.

19. *Nogais of Daghestan and the North Caucasus (documents of the XVII – XVIII centuries) [Nogaytsy Daghestana i Severnogo Kavkaza (dokumenty XVII–XVIII vv.)]*. / Comp. by Kidirniязov D.S. Makhachkala, 1998.

20. Krikunova E.O., Pavlova I.M. On the history of the relationship between Kabarda and other peoples of the Caucasus in the XVII century (documents) [K istorii vzaimootnosheniy mezhdu Kabardoyu i drugimi narodami Kavkaza v KHVII v. (dokumenty)] *KBGPI proceedings [Uchenye zapiski KBGPI]*. Nalchik, 1957. Vol. 13: 77–112.

21. Ivanov M.S. *Essays on the history of Iran [Ocherki istorii Irana]*. М., 1952.

22. Murtazaev A.O. *Kaytag in the VIII – the first half of the XIX century. (The study of political history and the role in the system of political structures of the North-Eastern Caucasus) [Kaytag v VIII – pervoy polovine XIX v. (Issledovanie politicheskoy istorii i roli v sisteme politicheskikh struktur Severo-Vostochnogo Kavkaza)]*. Makhachkala, 2015.

23. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission [Aktы Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii]*. Tiflis, 1868. Vol. 2.

24. Gadzhiev V.G. *The role of Russia in the history of Daghestan [Rol Rossii v istorii Daghestana]*. М. 1965.

25. Vilinbakhov V.B. *From the history of the Russian-Kabardian fighting community [Iz istorii russko-kabardinskogo boyevogo sodruzhestva]*. Nalchik, 1982.

26. Baranovsky B. *Caucasus and Poland in the XVII century [Kavkaz i Polsha v XVII v.] Russia, Poland and the Black Sea region in the XVI–XVIII centuries. [Rossiya, Polsha i Prichernomorye v XVI–XVIII vv.]*. М., 1979: 249–262.

27. *Peasant war under the leadership of S. Razin [Krestyanskaya voyna pod predvoditelstvom S. Razina]*. М., 1954. Vol. 1.

28. Novoseltsev A.P. *Mohammed Tahir Walid Qazvini on the uprising in Daghestan in 1659–1660 [Mukhammed Takhir Valid Kazvini o vosstanii v Daghestane v 1659–1660 gg. Chrestomathy on the history of the USSR of the XVI – XVII centuries [Khrestomatiya po istorii SSSR XVI – XVII vv.]*. / Ed. A.A. Zimin. М., 1962: 685 - 689.

29. Umakhanov M-S.K. *The relationship of feudal possessions and the liberation struggle of the peoples of Daghestan in the XVII century [Vzaimootnosheniya feodalnykh vladeniy i osvoboditelnaya borba narodov Daghestana v XVII veke]*. Makhachkala, 1973.

Статья поступила в редакцию 09.07.2018 г.